

УДК 94(470)

DOI 10.37386/2413-4481-2021-4-92-97

У.И. Кулянина, Н.Н. Романов

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Сызрань, Россия

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ РУССКИХ ВОИНОВ ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одним из следствий Великих реформ Александра II стало кардинальное преобразование Русской императорской армии. Одновременно происходило развитие общественной мысли России, что создало условия для проникновения социал-демократической пропаганды в солдатскую среду. В итоге морально-психологическое состояние воинов и дисциплина в русской армии на рубеже веков стали неуклонно снижаться. Понимание данной проблемы стимулировало военное ведомство предпринять значительные усилия, направленные на работу с личным составом. Однако в силу ряда причин планируемые результаты не были достигнуты в полной мере.

Ключевые слова: русская армия, православие, религия, нравственность, культ, церковь.

U.I. Kulyanina, N.N. Romanov

Branch of the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy, Syzran, Russia

RELIGIOUS AND MORAL EDUCATION OF ORTHODOX RUSSIAN SOLDIERS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

One of the consequences of the Great Reforms of Alexander II was the radical transformation of the Russian Imperial Army. At the same time, the development of social thought in Russia created the conditions for the penetration of social democratic propaganda into the soldier's environment. As a result, the moral and psychological state of soldiers and discipline in the Russian army began to decline steadily at the turn of the century. Understanding of this problem stimulated the military department to make significant efforts aimed at working with personnel. However, due to a number of reasons, the planned results were not fully achieved.

Key words: Russian army, Orthodoxy, religion, morality, cult, Church.

В последнее десятилетие наблюдается тесное сотрудничество Вооруженных Сил РФ и Русской православной церкви. Сближение началось с 2009 года, когда после почти векового перерыва был восстановлен институт штатного военного духовенства [1, с. 51]. В 2014 году социологи подсчитали долю военнослужащих, называющих себя верующими, таковых оказалось 78 %. Подавляющее большинство военнослужащих, исповедующих какую-либо религию (71 %), причислили себя к православным христианам [1, с. 53]. Тогда в Минобороны создали управление, чьей целью стала организация работы с верующими военнослужащими. Программы повышения квалификации для военного духовенства реализуются в пяти военно-учебных заведениях России. Число стационарных военных храмов постоянно растет: если в 2010 году их насчитывалось 117, в 2016 году – уже 294 [2, с. 152–160]. В 2020 году был построен и начал функционировать главный храм ВС РФ.

Стремление Министерства обороны России использовать потенциал РПЦ понятно: православие всегда рассматривало и рассматривает защиту Отечества, военную службу как священный долг граждан, канонизированные православные воины, такие как Александр Невский и Дмитрий Донской, выступают примерами воинской доблести, преданности Родине. До сих пор остается актуальным высказывание армейского начальника начала прошлого века: «...одним из сильных средств у нас в руках может быть поддержание религиозной стороны – человек верующий не поддастся никаким соблазнам и будет нести свои обязанности воина и гражданина твердо» [3, л. 186].

Вместе с тем накопленного за прошедшее десятилетие опыта сегодня явно недостаточно. Работа с верующими военнослужащими часто подвергается критике как со стороны невоцерковленных сограждан, так и верующих и даже духовенства. В прошлом нашей России накоплен большой опыт такой деятельности в армейской среде. Таким

образом, осмысление богатой традиции духовно-военной службы, религиозно-нравственного воспитания военнослужащих в пореформенный период Российской империи необходимо для понимания и выработки оптимальных моделей взаимодействия таких социальных и политических институтов, как армия и церковь.

Первые попытки определить место религиозно-нравственного воспитания в войсках были предприняты до 1917 года. В большинстве своем литература этого периода посвящена накоплению статистического и фактического материала [4–6], а также религиозной полемике [7–9].

Во времена главенства марксистско-ленинской методологии и исторического материализма аспекты религиозно-нравственного бытия рассматривались сугубо с атеистических позиций, не выходящих за пределы победившей идеологии. В отношении вопроса веры и военной жизни дореволюционный период практически не исследовался, акцент переместился на роль РПЦ в Великой Отечественной войне [10, 11]. В годы перестройки советская историческая наука начала переосмысление отдельных вопросов религиозно-нравственного воспитания русских воинов дореволюционного периода, обратившись к работам военных педагогов XVIII – начала XX веков [12].

Постсоветская историография вопроса обширна. Одним из центральных исследователей особенностей религиозно-нравственного воспитания воинов Русской императорской армии этого периода является профессор Военной академии связи В.М. Котков [13, 14]. Он проанализировал деятельность войсковых священников по религиозному окормлению военнослужащих, показал становление и эволюцию духовно-нравственной культуры воинов Российской империи в пореформенный период. Ученый-педагог В.И. Пашков рассмотрел особенности духовно-нравственного воспитания православных солдат как особый педагогический феномен [15]. Интересна работа А.Б. Бадьянова. Автор проанализировал динамику развития духовно-нравственных ценностных ориентаций, норм и установок, культивируемых в процессе религиозного воспитания военнослужащих в разные исторические периоды [16]. О.В. Кепель постарался осмыслить причины недостатков в духовно-нравственном воспитании военнослужащих интересующего нас периода [17]. Е.Н. Карлова и Н.Н. Романов предприняли попытку анализа проблем духовно-нравственного воспитания в русской армии на рубеже XIX–XX веков, причин, не позволивших предотвратить сползание армии к революционному хаосу 1916–1917 годов [18].

Несмотря на обширную историографию, некоторые аспекты религиозно-нравственного воспитания воинов на рубеже XIX–XX веков содержат лакуны. Данной работой мы постараемся приблизиться к завершению анализа проблемы. Для этого необходимо определить причины падения морально-психологического состояния воинов и дисциплины в русской армии, оценить предпринимаемые военным ведомством попытки исправить ситуацию, результаты данной деятельности Военного министерства Российской империи.

В статье использованы как неопубликованные документы, собранные в Российском государственном военно-историческом архиве, так и опубликованные материалы периодической печати интересующего нас периода, а также специальная литература.

Методологическая основа исследования базируется на принципе историзма, что предполагает диалектический подход. Для определения причин расхождения ожидаемого эффекта религиозно-нравственного воспитания воинов и субъективной реальности, а также выявления влияния социальных процессов конца XIX – начала XX веков на религиозную нравственность в русской армии нами использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования, а с целью выяснения степени этого расхождения – антропологический метод.

Великие реформы Александра II изменили весь облик Российской империи: в результате процесса модернизации бурно развивались капиталистические отношения, родовые привилегии сметала конкуренция, стремительно прирастала русская промышленность, транспортная отрасль, печать. Общественная сфера также значительно изменилась – появились новые социальные группы, местное самоуправление вышло на новый уровень, выросло число образованных граждан, общественная мысль и идеологические учения больше не были уделом узкого круга интеллектуалов, а широко шагнули в массы. При этом изменения в духовной сфере не успевали за изменениями материального бытия, что сказалось на общественной нравственности и морали, привело к распространению нигилизма, народнических идей. Государство стремилось разработать механизм компенсации такого перекоса, но в силу ряда причин не преуспело в этом.

Российскую императорскую армию реформы затронули напрямую. С 1862 года начали меняться принципы управления войсками, система подготовки кадров, вооружения. С 1874 года вводился новый способ комплектования армии – всеоб-

щая воинская повинность – при одновременном сокращении сроков службы. Учитывая, что ротация личного состава (в первую очередь нижних чинов) ускорила, все явления, присущие цивилизованному обществу, быстро проникли в армию и отразились на морально-психологическом состоянии и дисциплине, что не могло не настораживать военных аналитиков того времени. На фоне положительной динамики численности грамотных новобранцев наблюдался всеобщий упадок патриотизма и нравственности. «Хуже того, – приводит Военный сборник (официальное издание Военного министерства) мнение военного специалиста, – ...зачастую приходится совершенно перевоспитывать их...» [19, с. 132]. Снижение морали воинов коснулось даже религиозности, что, учитывая преобладание в армии крестьянства, казалось невозможным [3, л. 183].

Учитывая вышесказанное, формирование у воинов высоких религиозно-нравственных качеств защитника Отечества становилось все более сложным делом. Серьезность положения осознавалась высшим командованием. Вместе с тем, планируя работу по воспитанию личного состава армии, необходимо было учитывать целый ряд факторов.

1. Новый социально-классовый состав армии. Так, «тогда как крестьяне почти всегда бывают доброй нравственности» [20, с. 37], то «...городское население и рабочий класс <...> в первую очередь были подвержены революционным настроениям» [21, с. 236].

2. Особенности национального менталитета. В рассматриваемый нами период приходилось считаться с культурными традициями солдат, относящихся к неславянским этносам, даже если они были равномерно распределены среди русских солдат. Особенно если речь шла о неславянских формированиях, таких как бурятские казачьи образования, войска Калмыцкое и Башкирское, «Дикая дивизия» [22, с. 15].

3. Многоконфессиональность русской армии. Учитывая, что православных в армии было подавляющее большинство, религиозное воспитание в духе именно православной традиции стало основным.

4. Текущая международная ситуация. В пореформенный период Российская империя участвовала во множестве военных конфликтов на Балканах, в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Европе, на Кавказе – все это накладывало определенный отпечаток на средства и цели воспитания.

В 1890 году было утверждено «Положение об управлении церквями и духовенством военно-

го и морского ведомств». Документ предполагал обновление и централизацию управления армейским духовенством. Во главу системы теперь был поставлен протопресвитер. Значительный вклад в деятельность по религиозному окормлению русского воинства внес назначенный на эту должность Александр Алексеевич Желобовский [23, с. 139]. Для большей эффективности религиозно-нравственного воспитания в армии предполагалось повысить образовательный уровень военных священников, обеспечить войска храмами, модернизировать методы и формы воздействия на воинов.

В 1899 году объявили, что впредь на должности в военно-духовном ведомстве будут назначаться священники или с академическим образованием, или окончившие семинарии по I разряду [4, с. 12]. Следует заметить, что названная мера касалась в основном вновь назначаемых служителей культа и не могла быстро изменить весь корпус военных духовников. Тем не менее на 1 января 1902 года из 462 ординарных священнослужителей Духовную академию окончили 24 [24, с. 94].

Большое значение Военное министерство уделяло строительству, ремонту и благоустройству храмов. Координировать все эти направления была призвана целая система специальных комиссий. Во главе Комиссии по удовлетворению религиозных нужд войск, действующей при Главном штабе армии, был поставлен генерал от инфантерии граф Иван Дмитриевич Татищев [25, с. 564]. Предполагалось если и не масштабное церковное строительство, то вполне достаточное. Так, согласно Приказу по Военному ведомству № 37 от 1902 г., вместимость полковой церкви планировалась не менее 900 человек, а батальонной – 400. Все новые здания должны были быть отдельно стоящими. Строительства велись в скором темпе: в 1902 году торжественно заложили 5 полковых храмов и через 3 года ввели их в строй, в 1903 году – начали строительство еще 6 церквей, которые освятили в 1906 году [3, л. 73.]. Татищев информировал Желобовского: к началу 1907 года потратили 298 тыс. из 300 тыс. рублей, выделенных на церковностроительство в 1906 году [3, л. 18–19].

На практике финансирования не хватало: в среднем на постройку одного храма требовались порядка 40 тыс. рублей. При этом было необходимо охватить церковностроительством и окраины империи (например, Туркестан и Сибирь), и центральную Россию – все территории, где не хватало войсковых храмов. Основные затруднения с доступностью помещений для отправления

культы возникали в годы военных конфликтов на передовой [26, л. 94]. Но и в мирное время далеко не везде русские воины могли удовлетворить свои религиозные нужды в храме.

Для повышения эффективности религиозно-нравственного воспитания предпринимались попытки разнообразить воспитательный процесс. В частности, воспитательные беседы теперь вели не только священнослужители, но и офицеры, военврачи. Увеличить охват нижних чинов воспитательными мерами должны были и созданные при храмах библиотеки. Регламенты Военного министерства требовали организовывать внебогослужебные собеседования хотя бы раз в неделю не менее часа. Обеспечивать отправление воинов на церковные службы и беседы, как и их пребывание на таковых от начала до конца, должны были командиры [21, с. 238]. Воспитательные беседы и занятия предусматривались и в отношении офицерского корпуса [21, с. 237]. В повседневности солдаты и унтер-офицеры часто не посещали не только религиозные беседы, но и богослужения. Сами военные оправдывали сложившуюся практику укладом и распорядком армейского быта, рутинной, пересиливающей вес религиозной нравственности [18, с. 135–136]. Военный священник И. Цирук-Соболевский в журнале «Офицерская жизнь» приводит пример: «...молодой, богобоязненный, только что призванный из деревни солдат собирается в церковь на заутреннюю молитву, в то время как старослужащие нижние чины посмеиваются над ним, лежа на кроватях, а офицеров и фельдфебелей вовсе не видно в храме. Да и священник на вопрос солдата: почему Бог не накажет офицеров за грехи (например, за пьянство), вразумительно не отвечает, темнит, как следствие – его авторитет подорван» [27].

Генерал-лейтенант Т.Л. Дембовский в 1902 году описывает: «При значительном накоплении в соборе нижних чинов, беседа едва ли бывает всем хорошо слышна, и она сама собой обращается в обычную проповедь без возможности задать иногда какой-либо вопрос, разъяснить что-либо непонятное нижним чинам, вызвать с их стороны какое-либо суждение; такие беседы неизбежно должны обратиться во что-либо формальное, на что при спросе “были ли беседы” можно ответить всегда утвердительно и быть правым в служебном отношении» [28, л. 49 об., 54].

Более того, на сами богослужения воины не спешили тоже в силу того, что им в храмах зачастую не находилось места. В 1906 году епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий, пытаясь разобраться в истоках волнений в 7-м кавалерий-

ском запасном полку Тамбова, писал: «На весь полк, состоящий из нескольких эскадронов, имеется необычно малый по своим размерам и убогий храм, вместимостью 50 человек. <...> Отсюда естественно было совершенное одичание нижних чинов в религиозно-нравственном отношении и легкая их восприимчивость к революционной пропаганде» [3, л. 103–103 об.]. В Туркестане командир полка в докладе начальству писал: «Мне неоднократно самому приходилось наблюдать, как 100 и более нижних чинов при каждой церкви стояли на паперти и в ограде, лишённые возможности за переполнением быть в храме <...> получают вместо духовно-религиозного удовлетворения апатию к богослужебным собеседованиям» [3, л. 31 об.]. Таким образом, благие намерения воздействовать беседами на духовно-нравственный мир воинов нивелировались несоответствием обстановки в храме ожиданиям солдата.

По мнению священнослужителей, еще одной препоной в воспитании солдат был однобокий характер церковных брошюр. Та литература, которая издавалась Троице-Сергиевой Лаврой и поступала в войска священникам, носила исключительно покаянный характер и поднятю духа и воспитанию гражданственности и патриотизма не способствовала [26, л. 95].

Нельзя не упомянуть и о том, что высшее армейское командование принимало и достаточно смелые, нестандартные решения для активизации религиозно-нравственного воспитания воинов. Так, с 1894 года полкам разрешили приобретать аппараты для показа фильмов-слайдов. Технические новшества использовали в том числе при проведении душеспасительных бесед [29, с. 127].

Несмотря на то, что Военное министерство активизировало работу по религиозно-нравственному воспитанию воинов, усилия оказались недостаточными. Уже в Первую русскую революцию, к немалому недоумению высшего генералитета, оказалось, что «...наш солдат, беззаветно преданный религии, с врожденным боготворением Царя, покорный судьбе, безропотный в тягостях жизни, мягкий по натуре и всегда послушный власти, оказался способным на убийство своих начальников» [30, л. 20].

В реализации религиозно-нравственного воспитания в русской армии начала XX века существовал, на наш взгляд, ряд недостатков, упущенных возможностей и бед. Во-первых, это финансовые трудности. В силу огромных масштабов империи и массовости армии не хватало средств для строительства должного числа храмов и комплектования армии штатом священников.

Во-вторых, главные усилия по религиозно-нравственному воспитанию были направлены на солдат. В то время как молодые офицеры не менее нуждались в пастырском внимании, но были такового лишены. В итоге «бывало, что <...> офицер, выдвинутый по службе как особенно религиозный, потому, что не пропускал ни одной службы, на которой его мог видеть командир, в один прекрасный день <...> спустил кровную солдатскую копейку, цены которой он не знает, потому что солдатским бытом и военным делом не интересуется» [31, 32].

В-третьих, религиозно-нравственное воспитание в первую очередь было направлено на воинов, исповедующих православие, что неудивительно, ведь подавляющее число призывников были православными. Кроме того, культурная традиция к концу XIX века тесно связала национальную и конфессиональную составляющие менталитета подданных Российской империи.

В-четвертых, организация мероприятий религиозно-нравственного воспитания зачастую не носила согласованного характера и проводилась бессистемно. Тематика бесед определялась не государственным ведомством с учетом внутри- и внешнеполитической обстановки, а священниками в силу их пастырского видения и часто сводилась к душеспасительным моментам и сугубо религиозным проповедям. Разнообразить же тематику бесед даже при желании священнику не всегда позволяло образование, а дополнительной литературы, кроме покаянной, не хватало.

В-пятых, далеко не все директивы военного ведомства реализовывались в войсках. Даже после Русско-японской войны и Первой русской революции, когда процессу дисциплинирования как нижних чинов, так и руководителей стали уделять значительное внимание, один из офицеров писал в своем дневнике об офицерах-сослуживцах, что их тянет «...на дачу, к знакомым, в загородные сады, но не в роту на беседу с нижними чинами, которые остаются без руководства – мудрено ли, что они норовят тоже в город к знакомым и в кабак. Да и полковой священник <...> совершенно лишает нижних чинов своего руководства. А жаль, если в них потухла послед-

няя искра религиозного верования <...> и они, не имея умственного фонда, явятся жертвами обмана и всякого рода соблазнов!» [33, л. 18].

Наконец, вопрос низкой исполнительской дисциплины приводит к отсутствию системы должного контроля, адекватных критериев оценки организованного духовно-нравственного воспитания. Безусловно, инспекции военных округов со стороны военного управления предусматривали контроль организации религиозно-нравственного воспитания на местах. Оценка нравственного состояния воинов была одним из пунктов анализа работы с военнослужащими наряду с проверкой здоровья, выправки, умственного и физического развития нижних чинов. Однако эти оценки носили очень субъективный характер. Например, «добрую нравственность» определяли в ходе смотров строя, исполнения маршевых песен, наличия у солдат вида «молодцеватого» и «мужественного», видимой готовности «победить или умереть» [21, с. 239]. К верифицированным критериям относилось техническое состояние воинских церквей, укомплектованность штаба священников, хотя материальная и кадровая обеспеченность навряд ли свидетельствовали о «доброй нравственности».

Все вышесказанное приводит нас к выводу, что потенциал религиозно-нравственного воспитания воинов в конце XIX – начале XX вв. не был в полной мере использован, не все участники процесса четко осознавали цели такового и не могли проконтролировать результаты усилий, приложенных в данном направлении.

Такой вывод заставляет нас обратить более пристальное внимание на современное состояние духовно-нравственного воспитания в войсках. Конечно, сегодня мы располагаем значительным инструментарием объективной оценки результатов данной деятельности (психологические тестирования, социологические опросы и эксперименты и др.), но отсутствие четкого целеполагания, понимания задач религиозного воспитания, причем на всех уровнях исполнения, может свести прилагаемые усилия к формализму, профанации и дать обратный эффект.

Библиографический список

1. Артемьев А. А. Взаимодействие Русской православной церкви и Министерства обороны РФ на современном этапе // *Власть*. 2015. № 5. С. 51–54.
2. Баимов А. Г. Опыт внедрения военных храмов в Российской армии // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 10. С. 152–160.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 36. Д. 7.
4. Боголюбов А. А. Очерки из истории управления военным и морским духовенством в биографиях главных священников его за время с 1800 по 1901 гг. СПб., 1901. 186 с.

5. Добротворский С. Сравнительная статистика военного духовенства за период времени 1888–1902 гг. // Вестник военного духовенства. СПб., 1902. № 6. С. 186–189.
6. Смирнов А. История флотского духовенства. Ч. 1. Пг.: Тип. «Сельского Вестника», 1914. 76 с.
7. Виноградов А. К вопросу о молитвах за умерших иноверцев // Вестник военного духовенства. 1906. № 23. С. 720–722.
8. Шавельский Г. Освящение знамен, Высочайше пожалованных 33, 34, 35 и 36-му Восточно-Сибирским стрелковым полкам // Вестник военного духовенства. 1904. № 21. С. 659–652.
9. Якиманский Е. Освящение новых зданий для больницы в Севастопольском морском госпитале // Вестник военного духовенства. 1908. № 18. С. 558–563.
10. Ладоренко В. Е. К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви (1917–1945) // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. Вып. 12. С. 121–122.
11. Сидоров Д. И. Защита Родины и религия. М.: Воениздат МО СССР, 1963. 120 с.
12. О долге и чести воинской в российской армии: собрание материалов, документов и статей / сост. Ю. А. Галущко, А. А. Колесников; под ред. В. Н. Лобова. М.: Воениздат, 1990. 368 с.: ил.
13. Котков В. М. Военное духовенство нередко показывало примеры мужества во время боевых действий // Военно-исторический журнал. 2000. № 4. С. 64–71.
14. Котков В. М. Военное духовенство России: страницы истории: монография. СПб.: Нестор, 2004. 352 с.
15. Пашков В. И. Традиции духовно-нравственного воспитания военнослужащих в русской армии конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 235 с.
16. Бадьянов А. Б. Роль духовно-нравственного фактора в российской армии (Историко-социологический аспект): дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004. 156 с.
17. Кепель О. В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 246 с.
18. Карлова Е. Н., Романов Н. Н. Работа с верующими военнослужащими: история и современность // Вестник Российской нации. 2017. Т. 5, № 5 (57). С. 87–100.
19. Петерс К. Назревшие требования вследствие сокращения сроков службы в войсках // Военный сборник. 1909. № 9. С. 117–132.
20. Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы // Российский военный сборник. 1994. Вып. 4. С. 29–77.
21. Цибилов В. А. Развитие информационно-пропагандистской работы в военных округах Российской империи // Вестник университета. 2015. № 7. С. 236–240.
22. Шутько Д. В. Роль религии в воспитании военнослужащих армии Российской империи. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/1number/articles/Shytko_article.pdf (дата обращения: 15.10.2021).
23. Русский биографический словарь: Жабокритский – Зяловский. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1897 [2]. Т. 7. 588 с.
24. Васильев И. А. Ординарная и экстраординарная духовно-военная служба в Российской империи 1900–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Право. 2010. № 1. С. 94–97.
25. Волков С. В. Генералитет Российской империи // Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. II. Л-Я. М., 2009. 831 с.
26. РГВИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9904.
27. Православная традиция Русской Армии // Российский военный сборник. М.: ВУ, 1997. 496 с.
28. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 6. Оп. 29. Д. 143.
29. Столетие военного министерства: управление церквами и православным духовенством военного ведомства. 1802–1902. Т. XIII. СПб.: Тип. тов-ва. М. О. Вольф, 1902. 130 с.
30. РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 754.
31. Гребенщиков Я. Из военного быта // Разведчик. 1897. № 371. С. 1032–1033.
32. Гребенщиков Я. Из военного быта // Разведчик. 1897. № 373. С. 1082.
33. РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4.